

Об одном из вариантов естественно-научного подхода в социальном знании*

Г. Ю. КАНАРШ

(Институт философии РАН)

ХК И СОВРЕМЕННАЯ

«КУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА»

Мы зафиксировали близкое родство организмического, и в целом, «биологического» направления в социологии идеям характерологической креатологии, ее «социальной» ветви. Эта близость, на наш взгляд, состоит прежде всего в стремлении и социального организма, и характерологической креатологии (ХК) объяснить развитие общества, отдельных социальных феноменов не концептуально-теоретически, а естественно-научно, т. е. исходя из материалистического мироощущения-мировоззрения, как пишет об этом М. Е. Бурно (Бурно, 2011). Наиболее же близким нашему подходу, несомненно, является организмизм основателя направления Г. Спенсера (см.: Спенсер, 1999), если сравнивать его с более поздними идеями социал-дарвинизма (или социал-спенсерианства). В последних, являющих собой попытку представить основной механизм социального развития наподобие действующего в животном царстве дарвиновского естественного отбора, чувствуется некая агрессивность, не совместимая с самим духом «естественно-научного материализма»¹.

Тем не менее представляется необходимым оговорить, наряду со сходствами, некоторые *существенные различия* между ХК и социальным организмизмом. Мы усматриваем таковых, по крайней мере, два. Первое различие состоит в том, что, в отличие от организмизма, делающего упор на анализе общества как *некоторой системы*, части которой (социальные группы, институты, финансовые и технические средства и т. д.) находятся в сложном функциональном (функционально-генетическом) отношении друг к другу, а специфически человеческое при этом *как бы выведено «за скобки»*, ХК является, если можно так сказать, «чело-

векоцентрированным» подходом, в котором научный анализ сосредоточен прежде всего на *человеческом (антропологическом) измерении* социального. Второе различие заключается в том, что ХК, в противоположность «биологическому направлению», идет в своем познании социальной реальности не от биологических законов как таковых, взятых в их «чистом» виде (хотя бы и в виде «продуктивной метафоры», как это имеет место у Спенсера), но от изучения «душевного», характерологического, которое *содержит в себе биологическое («конституциональные особенности»)*, но *полностью не сводится к нему*².

Таким образом, в отличие от социального организмизма, «естественно-научность» естественно-научного материализма в социальном познании заключается в преимущественном изучении общества через призму характерологического (и лучше понимаемого через характеры национально-психологического, а также конформного (массово-усредненного, характерологически безликого), что уже само по себе *трудно вписывается* в концепцию общества как социального организма. Поэтому представляется, что своей «человекоцентрированностью» ХК оказывается в чем-то даже более близкой, созвучной (сохраняя генетическое родство с «биологическими» подходами) *культур-центристскому направлению* в социальных науках³, и, в частности, современной американской культурной антропологии. Одним из влиятельных подходов в рамках этого направления стала с недавнего времени (с конца 1990-х годов) так называемая *культурная парадигма*, своеобразным «манифестом» которой явилась коллективная монография «Культура имеет значение» (с подзаголовком: «каким образом ценности способствуют обществу прогрессу»), изданная в 2000 г.

* Окончание. Начало в № 3 за 2012 г.

в США (рус. изд. — 2002 г.) под редакцией двух видных американских ученых — политолога С. Хантингтона и социолога Л. Харрисона (Культура имеет значение..., 2002).

Уже в предисловии к книге одного из ее редакторов — С. Хантингтона возможно «уловить» весьма близкие параллели тому, чем занимается, изучая общество, характерологическая креатология. Так, в самом начале текста предисловия с характерным названием «Культуры — это серьезно» Хантингтон пишет: «Просматривая в начале 1990-х годов экономическую статистику Ганы и Южной Кореи тридцатилетней давности, я был поражен сходством показателей этих стран. Они были близки по распределению валового национального продукта на душу населения, имели похожую отраслевую структуру экономики и жили в основном за счет сырьевого экспорта... Объемы экономической помощи, оказываемой обеим странам, тоже были примерно равными. Через три десятилетия Южная Корея превратилась в индустриального гиганта. Она имела собственные многонациональные корпорации, широко экспортировала автомобили, электронику и другие высокотехнологичные товары, по показателю среднедушевого дохода сравнивалась с Грецией и занимала четырнадцатое место в общемировом экономическом рейтинге. Более того, эта страна заметно преуспела в консолидации демократических институтов. В Гане же, где доход на душу населения составлял лишь одну пятнадцатую южнокорейского, не наблюдалось ничего похожего. Каким образом можно объяснить столь резкие перепады в развитии? Несомненно, здесь сыграли свою роль многие факторы, но, как мне представляется, *прежде всего дело объяснялось культурными различиями. Южнокорейцы ценили бережливость, умелое вкладывание денег, образование, организацию и дисциплину. У жителей Ганы были другие ценности. Иначе говоря, культуры — это серьезно*» (Хантингтон, 2002: 9) (курсив мой. — Г. К.).

Отмечая в этом небольшом тексте, как и его коллега Л. Харрисон (Харрисон, 2002), своеобразный «ренессанс» интереса к культуре и культурным факторам развития, наступив-

ший в общественных науках после почти трех десятилетий господства разного рода экономических и политологических подходов (с 1950-х по 1980-е годы), Хантингтон одновременно считает важным уточнить, какой смысл вкладывают авторы редактируемого им (и Харрисоном) сборника в понятие «культура». Так, в противоположность разделяемому некоторыми культурными антропологами подходу, согласно которому культура есть понятие, с помощью которого «описываются все стороны жизни общества: его ценности, практики, символы, институты и взаимоотношения между людьми», ученый оговаривает в качестве рабочего *более узкое, специальное определение культуры*: «...в данном исследовании нас интересует лишь то, каким образом культура воздействует на социальное развитие; ведь если она объемлет все, то объяснить что-либо с ее помощью просто невозможно. Поэтому мы определяем культуру в *таких сугубо субъективных терминах, как ценности, установки, верования, ориентации и убеждения, преобладающие среди членов общества*» (Хантингтон, 2002: 11) (курсив мой. — Г. К.).

Иными словами, «культура» в понимании С. Хантингтона и других авторов сборника есть не что иное, как человеческая субъективность, или, другими словами, *человеческий фактор*, который, будучи ключевой составляющей жизни общества (в противоположность разного рода экономическим и политическим закономерностям, открываемым *теоретическим путем* в экономике и политических науках), оказывает существенное влияние на предрасположенность того или иного *конкретного* общества к социальному прогрессу (там же: 12).

В более развернутом виде программа гарвардского проекта «Культурные ценности и прогресс человечества» (результатом реализации которого и стала книга «Культура имеет значение...») представлена во введении к книге главного идеолога и вдохновителя проекта американского исследователя Л. Харрисона. В этой работе, озаглавленной «В чем значение культуры», Харрисон прежде всего обращает внимание на факт вопиющего несоответствия между целями и устремлениями

мирового сообщества (прежде всего в лице ведущих стран Запада) к *всеобщему прогрессу на планете*, характерными для десятилетий после окончания Второй мировой войны, и реальным состоянием дел во многих незападных странах (прежде всего, странах Африки, Ближнего и Среднего Востока, Латинской Америки).

Как пишет Харрисон, «более полувека тому назад мировое сообщество переключилось с ликвидации последствий Второй мировой войны на борьбу с бедностью, неграмотностью и неравенством, от которых страдали народы Африки, Азии и Латинской Америки. В свете небывалых успехов «плана Маршалла» в Западной Европе и возрождения Японии повсюду преобладал безудержный оптимизм. Развитие считалось неизбежным процессом, особенно теперь, когда колониальное иго рушилось. В вышедшей в 1960 году и получившей широкую известность книге Уолта Ростоу «Стадии экономического роста» утверждалось, что диалектика общественного прогресса позволяет даже ускорить его ход. <...> Но по мере того, как столетие подходило к концу, оптимизм сменялся разочарованием и унынием. Лишь немногим странам, среди которых были Испания, Португалия, Южная Корея, Тайвань, Сингапур и бывшая британская колония Гонконг, удалось, следуя намеченной Ростоу траектории, попасть в «первый мир». Но подавляющее большинство государств мира по-прежнему находятся далеко позади, и для основной массы их граждан материальные условия жизни за последние пятьдесят лет ничуть не улучшились. <...> Иными словами, на рубеже столетий мир оказался более бедным, более несправедливым, более авторитарным, нежели ожидалось в середине XX века» (Харрисон, 2002: 15–16, 17) (курсив мой. — Г. К.)⁴.

В этой же работе американский исследователь разбирает основные теории, которыми ученые пытались объяснить причины подобного отставания. Главные из них — теории «колониализма», «зависимости» и «расизма». Коротко говоря, факт глубокого неравенства между ведущими странами Запада и государствами, находящимися на периферии мирового развития, пытались объяснить длительным периодом несвободы и экономической эксплу-

атации (теории «колониализма» и «зависимости»), а отсталость меньшинств (афроамериканского, латиноамериканского) объясняли *расовой дискриминацией* (в США). Однако, как отмечает Харрисон, сегодня «ни «колониализм», ни «зависимость» не пользуются былой популярностью. Для многих, включая африканцев, теория «колониализма» как главной причины отсталости уже давно утратила ценность. Более того, четырем бывшим колониям, двум британским (Гонконг и Сингапур) и двум японским (Южная Корея и Тайвань), удалось совершить прорыв в «первый мир». Сейчас о «теории зависимости» редко говорят даже в американских университетах, где совсем недавно ее постулаты считались общепринятыми» (там же: 18). Абсолютно то же самое можно сказать и о теории *расовой дискриминации*, постулаты которой, как показывает Харрисон, сегодня также утрачивают популярность (там же: 21–22).

В результате все эти неудачные попытки объяснить радикальное отставание в развитии, как показывает социолог, привели в конце XX в. к усилению внимания к *культурным факторам*, в том смысле, как их определил цитированный выше С. Хантингтон (т. е. к *субъективным особенностям*). «В последнее время все большее число ученых, журналистов, политиков и практиков уделяет внимание *культурным ценностям и установкам*, способствующим (или, напротив, препятствующим) прогрессу. Этим людям можно считать интеллектуальными наследниками Алексиса де Токвиля (автора книги «Демократия в Америке». — Г. К.)... Макса Вебера (автора теории происхождения «духа капитализма» из протестантской этики. — Г. К.)... Эдварда Банфилда, обнажившего культурные причины убогости и авторитаризма в Южной Италии и сделавшего из этого частного случая далеко идущие выводы» (там же: 20). В конечном счете все это создало предпосылки для формирования «*новой парадигмы человеческого развития, в центре которой — культурные факторы*» (там же: 21) (курсив мой. — Г. К.).

Как мы уже отметили ранее, в связи с анализом текста Хантингтона, этот акцент участников «Гарвардского симпозиума» на культу-

ре и культурных детерминантах социального развития весьма важен для развиваемой нами концепции *характерологической креатологии* именно потому, что во главу угла здесь ставятся не абстрактные экономические или политические закономерности, а *человеческий фактор*. Именно человеческим фактором, обнаруживающим себя в «ценностях», «верованиях» и «установках», можно, согласно Хантингтону, Харрисону и разделяющим их взгляды ученым, объяснить те многочисленные коллизии в мировом социальном развитии, которые в изобилии можно наблюдать в послевоенной (и современной) истории.

Однако тот же момент, который сближает «культурную парадигму» американских авторов и ХК, заключает в себе и *существенное различие* этих позиций. Важность этого различия обнаруживается уже в характерной для Харрисона и ряда его коллег установке на *либеральный прогрессизм*, который выражает себя в убежденности в *возможности радикальных изменений самих культурных установок*, характерных для разных обществ, в том случае если они «препятствуют прогрессу»⁵.

С точки зрения характерологической креатологии подобная убежденность является скорее *верой*, присущей определенному варианту *теоретического мышления*, но которая вряд ли может быть оправдана реальной общественно-политической и экономической практикой⁶. В этом смысле характерологической креатологии с ее основополагающим принципом следования *своей природе, природе своего характера* (в самом широком смысле) ближе не культурный прогрессизм участников «Гарвардского симпозиума», а развиваемая в зарубежной и отечественной науке концепция *национальной модели модернизации* (термин «национальная модель модернизации» предложен В. Г. Федотовой). Данная концепция, как мы ее понимаем, не исключает и определенных ценностных (культурных) изменений, однако главным для нее является как раз нечто противоположное — а именно *развитие на основе собственной идентичности при необходимом уровне освоения западных идей и технологий* (в том числе, необходимых технологических средств обустройства соци-

альной и экономической жизни) (см.: Федотова, 2005; Федотова В., Колпаков, Федотова Н., 2008 и др.; Соколова, Спиридонова, 2003; Гаджиев, 1999 и др.).

Иными словами, в рамках нашего подхода видится важным не столько изменение «ценностных приоритетов», сколько *поиск собственных национальных (т. е. соответствующих национальной «природе») путей развития*, опирающихся на «сильные» стороны «национального характера», которые, в свою очередь, *неразрывно* (диалектически) связаны с его «слабыми» сторонами⁷. Этот тезис возвращает нас к *естественно-научному направлению в социальном знании* (с чего мы начали свое рассмотрение), с которым генетически связан подход ХК.

* * *

Если попытаться подвести общий итог нашему рассмотрению, то, на наш взгляд, сравнение характерологической креатологии (ее «социальной» ветви) с другими — родственными и созвучными ей подходами позволяет лучше обрисовать специфику этого нового направления в социально-гуманитарных исследованиях. Так, имея очевидное родство с «биологическим» направлением в социологии (прежде всего, органицизмом Спенсера), как и формирующейся *в наше время* биосоциологией, ХК тем не менее отличается от этих подходов прежде всего тем, что делает акцент на изучении общества через анализ *характерологических особенностей*, включая национально-психологическую специфику, а также массовую конформность. Эта «человекоцентрированность» ХК обуславливает определенное ее созвучие с иными — не естественно-научными, а «*культур-центристскими*» — направлениями (парадигмами) в социальном знании, и в частности современной «культурной парадигмой» американских авторов. Однако более детальное сравнение показывает, что, полагая, как и указанная парадигма, культуру (понятую как *ценностно-смысловое содержание человеческой субъективности*) в качестве *основополагающего фактора социальной жизни*, ХК, в отличие от культур-центризма считает «культурные факторы развития»

не чисто духовными (идеальными) образованиями (которые можно при желании прагматически «перепрограммировать» в нужном направлении), а обусловленными природно-характерологически. Отсюда вытекает и практическая озабоченность ХК тем, чтобы, не меняя по возможности складывавшихся веками «ценностных ориентиров» (которые с точки зрения нашего подхода могут быть глубоко укоренены в характерологических, в т. ч. конституциональных, особенностях), найти такие пути развития для общества, следование которым способствовало бы его процветанию и прогрессу в настоящем и будущем.

Данная теоретическая установка ХК (в социальном знании), возможно, дает основания идентифицировать этот подход как особую разновидность *социального консерватизма*, основывающуюся на *естественно-научном мировоззрении*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так, согласно концепции видного представителя социал-дарвинизма Л. Гумпловича, «не идиллическое состояние мира, как это представляли себе некоторые философы и поэты, а вечная война была нормальным состоянием человечества во все времена» (цит. по: Луков, 2011: 30).

² Т. е. содержит в «снятом», усложненном особенностями душевной организации, виде.

³ Подробно о методологическом различии «натурализма» и «культур-центризма» в социальном познании см.: Федотова, 2001.

⁴ Надо заметить, что эта констатация американского исследователя более чем десятилетней давности (1999 г.) остается вполне актуальной и для нашего времени, поскольку по-настоящему действенными рецептов преодоления бедности и неравенства на планете (прежде всего, в самых отсталых регионах Азии, Африки и Латинской Америки) не выработано до сих пор.

⁵ В частности, как пишет Харрисон, «в ходе симпозиума (Гарвардского симпозиума 1998 г. — Г. К.) был достигнут существенный консенсус по вопросу о том, что нам нужна всеобъемлющая программа теоретических и прикладных исследований, направленная на интеграцию обновленных ценностей и установок в политику развития в «третьем мире» и борьбу с бедностью в Соединенных Штатах. Конечным продуктом исследований должно стать руководство по преобразованию ценностей и установок, предусматривающее

практические шаги по внедрению прогрессивных ценностных приоритетов» (Харрисон, 2002: 34).

⁶ Во всяком случае, с точки зрения ХК «ценности и установки», которые американские ученые, со свойственным им прагматизмом, предлагают заменить на другие, более прогрессивные, в значительной мере обусловлены национально-психологическими особенностями народов и как таковые едва ли поддаются радикальному преобразованию. Потому с точки зрения ХК и «культура» предстает не столь «пластичным» образованием, поскольку изначально заключает в себе природно-характерологическое.

⁷ Например, применительно к российской ситуации это означает, что отмечаемая многими сравнительно невысокая способность русских (россиян) к оптимальному обустройству повседневной (в том числе, социально-экономической) жизни может в значительной мере компенсироваться нашими, российскими способностями в области научного (в том числе, фундаментального теоретического) творчества, которые составили основу некогда мощных отечественных науки и образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурно, М. Е. (2011) О «Характерологической креатологии» и «психотерапии здоровых» // Психотерапия. № 10. Спец. вып. С. 54–62.

Гаджиев, К. С. (1998) Вестернизация или особый путь модернизации // Введение в геополитику: учебник для вузов. М.: Издательская корпорация «Логос». С. 234–254.

Культура имеет значение: каким образом ценности способствуют общественному прогрессу (2002) / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований.

Луков, Вал. А. (2011) Органицизм и биосоциология: их связь в свете тезаурусного подхода // Тезаурусный анализ мировой культуры: сб. науч. трудов. Вып. 22 / под общ. ред. Вал. А. Лукова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 22–37.

Спенсер, Г. (1999) Опытты научные, политические и философские / пер. с англ. под ред. Н. А. Рубакина. Минск: Современ. литератор.

Соколова, Р. И., Спиридонова, В. И. (2003) Современные взгляды на модернизацию в связи с изменившимся отношением к государству // Государство в современном мире. М.: ИФРАН. С. 161–217.

Федотова, В. Г. (2001) Основные исследовательские программы социально-гуманитарных наук (Глава II) // Социальные знания и социаль-

ные изменения / под ред. В. Г. Федотовой. М. : ИФРАН. С. 54–89.

Федотова, В. Г. (2005) Ценности развития и теории модернизации (Раздел III) // Федотова, В. Г. Хорошее общество. М. : Прогресс-Традиция. С. 152–226.

Федотова, В. Г., Колпаков, В. А., Федотова, Н. Н. (2008) Глобальный капитализм: три великие трансформации. М. : Культурная революция.

Хантингтон, С. (2002) Предисловие. Культуры — это серьезно // Культура имеет значение : каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М. : Московская школа политических исследований. С. 9–14.

Харрисон, Л. (2002) Введение. В чем значение культуры? // Культура имеет значение: каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М. : Московская школа политических исследований. С. 15–36.

ON A VARIANT OF THE NATURAL-SCIENTIFIC APPROACH IN SOCIAL KNOWLEDGE

G. Yu. Kanarsh

(Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences)

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Burno, M. E. (2011) О «Характерологической креатологии» и «психотерапии здоровья» // Психотерапия. № 10. Спец. вып. С. 54–62.

Gadzhiev, K. S. (1998) Vesternizatsiia ili osobyi put' modernizatsii // Vvedenie v geopolitiku. Uchebnyk dlia vuzov. М. : Izdatel'skaia korporatsiia «Logos». С. 234–254.

Kul'tura imeet znachenie: kakim obrazom tsennosti sposobstvuiut obshchestvennomu progressu

(2002) / pod red. L. Kharrisona i S. Khantingtona. М. : Moskovskaia shkola politicheskikh issledovanii.

Lukov, Val. A. (2011) Organitsizm i biosotsiologii: ikh sviaz' v svete tezaurusnogo podkhoda // Tezaurusnyi analiz mirovoi kul'tury: sb. nauch. trudov. Vyp. 22 / pod obshch. red. V. A. Lukova. М. : Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta. S. 22–37.

Spenser, G. (1999) Opyty nauchnye, politicheskie i filosofskie / per. s angl. pod red. N. A. Rubakina. Мn. : Sovremen. literator.

Sokolova, R. I., Spiridonova, V. I. (2003) Sovremennye vzgliady na modernizatsiiu v sviazi s izmenivshimsia otноsheniem k gosudarstvu // Gosudarstvo v sovremennom mire. М. : IFRAN. S. 161–217.

Fedotova, V. G. (2001) Osnovnye issledovatel'skie programmy sotsial'no-gumanitarnykh nauk (Glava II) // Sotsial'nye znaniia i sotsial'nye izmeneniia / pod red. V. G. Fedotovoi. М. : IFRAN. S. 54–89.

Fedotova, V. G. (2005) Tsennosti razvitiia i teorii modernizatsii (Razdel III) // Khoroshee obshchestvo. М. : Progress-Traditsiia. S. 152–226.

Fedotova, V. G., Kolpakov, V. A., Fedotova, N. N. (2008) Global'nyi kapitalizm: tri velkie transformatsii. М. : Kul'turnaia revoliutsiia.

Khantington, S. (2002) Predislovie. Kul'tury — eto ser'ezno // Kul'tura imeet znachenie : kakim obrazom tsennosti sposobstvuiut obshchestvennomu progressu / pod red. L. Kharrisona i S. Khantingtona. М. : Moskovskaia shkola politicheskikh issledovanii. S. 9–14.

Kharrison, L. (2002) Vvedenie. V chem znachenie kul'tury? // Kul'tura imeet znachenie: kakim obrazom tsennosti sposobstvuiut obshchestvennomu progressu / pod red. L. Kharrisona i S. Khantingtona. М. : Moskovskaia shkola politicheskikh issledovanii. S. 15–36.